

И.В. Стасевич

**ГОРНЫЕ СИСТЕМЫ:
ГРАНИЦЫ И ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ
КЫРГЫЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

У подножья великих гор
Чуть кольшутся стебли трав.
В синеву поднимаю взор —
Облака несутся в простор,
Гривы белые распластав.

...Я иду по горной тропе,
У вершин встречаю рассвет.
Гор не знаю равных Арпе,
Наших пастбищ привольней нет.
Словно стая белых гусей,
Что по выгону разбрелись,
Камни горный покрыли склон,
И над миром в красе своей
Горы, горы со всех сторон.

*Калык Акиев
(пер. Т. Стрешневой)*

История Киргизии неразрывно связана с природно-климатическими условиями страны. Около 95 % всей ее площади лежит на высоте более 1000 м над уровнем моря и занято горными системами Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Европейские путешественники и ученые неоднократно отмечали труднодоступность этого края, населенного в основном кочевым народом — кыргызами, отличающимся независимостью, свободомыслием, природной мудростью и гордостью. Эту землю кыргызы называли Ала-Тоо, что значит «пестрые горы». По всей видимости, это определение указывает на ярко выраженную природную зональность гор — от белоснежных вершин до склонов, не покрытых снегом.

Прямое и косвенное воздействие географического ландшафта на этнос, его историю и культуру не вызывает сомнения. Со временем горный ландшафт не только стал для кыргызов оптимальным условием жизни, но и определил особенности материальной и духовной культуры этого кочевого народа. Среди первых заученных слов сельских детей — слова мать (*ana*), отец (*ama*) и горы (*too*). Нет в Кыргызстане такого поселка, который не был бы окружен горами. Именно горы, горные ущелья и долины ассоциируются у сельских жителей с представлениями о малой Родине и своей родовой территории. В сознании кыргызов горы стали символом красоты, внутренней духовной гармонии и комфорта. По словам кыргызов, проживающих вне пределов своей исторической родины, в том числе и в крупных городах России, каждый кыргыз должен хотя бы раз в год-два возвратиться в свой дом, на родину, чтобы

«ощутить себя дома, набраться сил, увидеть и почувствовать горы, пообщаться с семьей... И не нужно в город ехать, нужно на стоянки к родственникам, кумыса попить, в юрте пожить» (ПМА).

Издавна бытует притча о том, как кыргызам досталось для проживания райское место. «Когда Бог распределял землю между своими детьми, то кыргызы пришли к нему с опозданием. Бог спросил: “А где же вы были раньше, ведь я уже раздал всю землю разным народам”. Кыргызы честно ответили, что просто проспали. И тогда Бог сказал: “За вашу искренность и святую наивность я дарю вам землю Ала-Тоо, которую оставил себе для отдыха”» [Иманалиев 2012: 20].

Напомню, что современная Киргизия — это страна, где основное население проживает в сельской местности, больших городов немного, всего два: Бишкек на севере страны и Ош, в южной ее части. Семейная экономика до настоящего времени большей частью ориентирована на скотоводство и отчасти земледелие, особенно в южных районах.

Кочевая культура многогранна, культура кочевников степей отличается от кочевой культуры горцев. Не будем вдавать-

ся в специфику номадической цивилизации Центральной Азии, но несомненно, что проживание кочевников в горной местности отразилось как на хозяйственной стороне их культуры, так и на социально-политической. В качестве примера можно обратиться к сравнению культуры казахов, родственного кыргызам народа, проживающих в степной зоне, и культуры кочевников-горцев — кыргызов.

Культуры этих народов во многом схожи, однако имеют и свою специфику. Труднодоступность горных районов создала своего рода культурную и экономическую изоляцию земель, населенных кыргызами, в первую очередь от европейской цивилизации. С точки зрения диахронической перспективы, культура кыргызов может быть охарактеризована как более «архаичная», сохраняющая традиционные формы.

Эта «архаичность» ощущается и в хозяйственной, и в обрядовой сфере культуры. До настоящего времени у кыргызов имеет распространение так называемый меридиональный способ выпаса скота на сезонных пастбищах: зимой скот находится в предгорьях и долинах, сейчас рядом со стационарным жилищем, а летом стада перегоняют на *жайлоо* — высокогорные пастбища. Перевалы, горные долины, высокогорные луга играли огромную роль в определении границ родовых территорий, распределении пастбищных угодий и определении путей перекочевков. Кочевки никогда не были стихийными. Строгое распределение земель соответствовало сложному родоплеменному делению кыргызского общества. Земельные пастбища были закреплены за семьями, объединенными в айылы.

Стройная система распределения пастбищных угодий стала одной из основных коммуникативных структур традиционного кыргызского общества, она не только определяла хозяйственные стратегии, но и регулировала общественные отношения между семейно-родственными группами. Эта система была кардинально нарушена в советское время при попытке перевода кочевников на оседлый образ жизни, что повлекло за собой разрушение складывавшихся веками хозяйственных и социально-общественных связей в обществе.

В настоящее время отгонно-кочевое скотоводство в Киргизии является ведущей отраслью сельского хозяйства. В определенной мере сохраняется и распределение пастбищных угодий в зависимости от родовой и территориальной принадлежности семьи. Некоторые участки земли находятся в долгосрочной аренде у семей и семейно-родственных групп, как правило, это касается высокогорных пастбищ.

Специфика природного ландшафта Киргизии повлияла не только на особенности организации традиционного хозяйства, но и на формирование представлений о природных, территориальных и символических границах. Даже сам этноним *дикокаменные* или *закаменные* кыргызы (так кыргызов именовали в дореволюционных русскоязычных источниках) характеризует их как народ горный, «живущий за горой».

Территориальные границы пастбищ в масштабе административных, географических, а по сути, культурных областей, обычно определяются по горным массивам, долинам, предгорьям. Особенно четко этот факт фиксируется при разделении территории на Северную и Южную Киргизию. Граница между Севером и Югом проходит, по мнению всех опрошенных информантов, по Токтогульскому водохранилищу на реке Нарын (Джалал-Абадская область). Жители Таласской области, относящиеся к северным кыргызам, бдительно охраняют рубежи своей территории, не допуская южан пасти скот на пастбищах, расположенных на их территории. Если все-таки такие проникновения, а по сути, захват пастбищных угодий, происходят, то, как правило, они заканчиваются стычками.

«Там за горой уже юг, а мы аркалык («живущие за горой»), так нас называют южане, мы стараемся их на свою землю не пускать, таласские не хотят, чтобы они пасти здесь скот, селились с семьями, это наша земля, горы наша граница» (ПМА).

Южные кыргызы до настоящего времени называют жителей северных областей — *аркалык*, что значит «живущие за перевалом, за горой». Северяне же за глаза всех южных кыргызов, впро-

чем как и узбеков, традиционно называют *сартами*, намекая на оседлость, которая в сравнении с кочевым образом жизни всегда расценивалась как потеря социальной и экономической свободы, часто ассоциировавшаяся с жизнью в земледельческом обществе долин.

Социально-политическое противостояние Севера и Юга Киргизии имеет свою историю. Еще в первой половине XIX в. южно-кыргызские *мананы* (представители родовой знати) вступили в борьбу за власть с сартовскими (узбекскими) и кипчакскими представителями политической элиты. Кокандское ханство в это время (1830–1840-е годы) формально подчинило себе всю Киргизию, это обстоятельство породило у южно-кыргызской знати определенные претензии на господство над всем своим народом [Ситнянский 2007: 4]. В это же время в северных районах Киргизии активизировалось племя сарыбагыш, представители которого заявили свои претензии на власть в северном регионе страны. Политические события последних десятилетий еще раз подтвердили сохранение социально-политического размежевания северных и южных регионов современного Кыргызстана.

Однако разделение территории Киргизии по линии Север — Юг, что соответствует традиционному размежеванию кыргызской культуры на северный и южный варианты, не является единственным. Природный ландшафт, изолированность освоенных человеком территорий горными массивами способствовали формированию отдельных культурно-географических областей. По мнению информантов, в Киргизии выделяются следующие культурно-географические области, соответствующие современному административному делению территории: Иссык-Кульская и Чуйская области осознаются как единое культурное пространство, как отдельные территории, обладающие культурной спецификой, выделяются Нарынская, Таласская, Джалал-Абадская, Баткенская, Ошская области, в которой отдельно выделяется Алайская долина, преимущественно заселенная кыргызами родового подразделения ичкилик.

Каждая культурно-географическая область отличается от других не только некоторыми особенностями обрядовой и повседневной культуры, но и чертами характера жителей,

ее населяющих, по крайней мере в оценке своих соседей. Эти представления о поведенческих стереотипах разных групп кыргызов достаточно устойчивы, особенно в отношении северных и южных кыргызов. Стереотипизация образа южан со стороны северян часто осуществляется через сравнение их с узбеками, от которых они якобы приобрели ряд негативных черт характера. Это такие черты, как

«торгашество», «двуличность», «скользкие они какие-то... нельзя на них положиться» (ПМА).

На этих стереотипах основывается и негативное отношение жителей Чуйской и Иссык-Кульской областей к мигрантам с юга, о чем будет более подробно сказано ниже.

Северяне, сравнивая себя с южанами, оценивают свой характер как

«прямой, независимый, <...> никого не боимся, правду говорим в лицо» (ПМА).

Так, таласцы считают себя

«прямыми потомками Манаса», «исконными кыргызами, которых привел в Ала-Тоо Манас с Алтая» (ПМА).

Оценивают себя как гордых, свободолюбивых («все революции начинались в Таласе» (ПМА)). Некоторые информанты, жители Таласской области, называли себя «ак суек» на казахский манер. Таласская область считается чуть ли не самой благополучной и богатой в Киргизии. Основа экономики — выращивание фасоли на продажу за рубеж. Мягкие природные условия Таласской долины способствуют развитию скотоводства, садоводства, приусадебного огородничества.

Однако соседи (скажем, жители Нарынской, Чуйской, Иссык-Кульской областей) считают, что соседство с казахами, долгое совместное проживание на одной территории сделало таласцев очень похожими по характеру на казахов.

«Хвастуны они, заносчивые, знают себе цену, прямо у них все самое лучшее» (ПМА).

Жители Иссык-Кульской и Чуйской областей сами признают свою русифицированность.

«Долго вместе жили с русскими, ведь в Бишкеке русских было больше, чем кыргызов» (ПМА).

Экономика этих областей ориентирована на развивающийся туризм, поэтому многие традиционные ремесла и промыслы, обряды и практики в последнее время, следуя за запросами туристов, переходят в игровые или постановочные формы. С точки зрения информантов, жителей Иссык-Кульской и Чуйской областей, наиболее «чистая кыргызская культура» сохранилась на южном берегу озера Иссык-Куль, где нет развитой туристической инфраструктуры.

Нарынские народные мастерицы ценятся по всему Кыргызстану, здесь существует развитое скотоводство. Этот район многими признается как «наиболее чистый, кыргызский», в минимальной степени подвергшийся русификации и европеизации.

Интересно, что все опрошенные признают отличия в культуре южан и жителей Алайской долины, составляющей часть Южного региона страны.

«Они там, на Алае, ближе к нам, северянам, обычай хорошо держат, не то, что эти узбеки» (ПМА).

Такая оценка основывается на специфике религиозной ситуации. Южные районы достаточно сильно исламизированы, обрядовая сфера все больше ориентируется на «классические» формы ислама. Алайские кыргызы в определенной степени все еще сохраняют религиозный синкретизм.

Территория Алайской долины (межгорной впадины в пределах Памиро-Алайской горной системы) является прекрасным примером для изучения этнокультурных процессов на пограничных территориях с этнически неоднородным населением. Природные преграды, административные и государственные границы советского и постсоветского времени создали специфические условия для населения, проживающего на этой территории. Часть этих земель еще при Советском Союзе были переданы в бессрочную

аренду Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Однако уже в 90-х годах XX в. Алайская долина вошла в состав Киргизии. В настоящее время на этой территории проживает как кыргызское, так и таджикское население (памирцы). Горная система и политическая граница между двумя суверенными государствами разделила как семьи, так и целые этнические группы. Многие таджикские семьи переселились в Таджикистан, но некоторые предпочли остаться. В таджикских семьях, живущих в поселках Алайской долины, сохраняется традиционная обрядность жизненного цикла, умерших в обязательном порядке переправляют на кладбища в Таджикистан.

«Это традиция уважения к нашим умершим, они должны быть похоронены рядом со своими предками» (ПМА).

Браки стараются заключать только среди своих, заранее договариваясь о предстоящем союзе двух семей. Так как дети из таджикских семей учатся в кыргызских школах, родной язык для них становится только языком домашнего бытового общения. Многие дети постепенно теряют навыки свободного владения таджикским языком. В таком же положении оказались и кыргызские семьи, живущие в приграничных поселках Таджикистана. Политическая граница заметно сократила и затруднила общение родственников, оказавшихся по разные стороны кордона.

Самооценка жителей тех или иных культурно-географических областей формируется на основе представлений, что именно на их территории сохраняются кыргызские традиции в «чистом виде». Обычный ответ информантов:

«Мы и держим обычай, здесь у нас традиции живы, не то, что... (название области. — И.С.)», «Мы своих предков помним» (ПМА).

Русифицированность северных районов Киргизии жителями Иссык-Кульской и Чуйской областей рассматривается с той точки зрения, что именно на Севере страны не было такого сильного влияния ислама, как на Юге. и благодаря этому сохранились «исконные кыргызские традиции, доисламские» (ПМА), а благодаря

влиянию русской культуры северяне на порядок образованней, чем другие кыргызы:

«Мы, по крайней мере, знаем литературный кыргызский язык» (ПМА).

Южане, наоборот, склонны оценивать ислам как «традиционную религию кыргызов» и следование нормам ислама рассматривают как возрождение традиций кыргызского менталитета, системы религиозных ценностей.

Наиболее высокая самооценка у жителей Таласской области. Как уже упоминалось, она основывается на суждениях о прямом родстве с Манасом — общенациональным героем кыргызов.

Культурно-региональное деление подтверждается и по данным языка. Северные области (Чуйская, Иссык-Кульская) испытали сильное влияние русского языка, южные области — узбекского языка, приграничные районы с Казахстаном (большей частью Таласская область) — казахского языка.

Таким образом, естественно-географические условия обитания кыргызского этноса способствовали формированию обособленных культурных, языковых, экономических, а часто и социально-политических зон со своими территориальными центрами. Несмотря на такое региональное размежевание, информанты подчеркивали:

«Все кыргызы равны, они имеют общего предка и составляют один народ, в независимости от места проживания» (ПМА).

Кыргызстан осознается информантами как «кыргызская земля, государство, с одной историей» (ПМА), как единый регион с устойчивыми связями населения как в хозяйственном плане, так и в этнокультурном.

Для современных кыргызов основой самоидентификации становится не родовая принадлежность, а общеэтническая, принадлежность к единому этносу. Социально-политические и экономические катаклизмы последнего десятилетия XX в., первых десятилетий XXI в. протекали на фоне глобальной смены идеологических установок и подъема этнического самосознания. В этом

контексте смены политических и идеологических парадигм национальная культура и история были объявлены официальной властью Кыргызстана основополагающими ценностями нового государства, что, в свою очередь, повлекло за собой конструирование национальной идеи и новых национальных символов.

Любопытно, что именно за последние несколько лет значительно возрос интерес рядовых кыргызов к своей национальной истории. Знать историю своей страны, родословие (*санжыра*) становится престижным, в определенной мере это повышает социальный статус человека, добавляя к его личным характеристикам небезразличное отношение к истории страны и своего рода. Вероятно, усиление интереса обывателей к национальной истории связано с тем, что некоторая политическая стабильность заметно активизировала процессы создания и внедрения в общество национальной идеи о единстве кыргызов — «потомков древних кыргызов-кочевников», о едином Кыргызстане — государстве с тысячелетней историей. Несомненно, что в процессе формирования идеи общекыргызского этнического единства главная роль отводится языковому единству и интегрирующей роли этнонима «кыргыз».

На втором месте в системе самоидентификации современных кыргызов оказывается регионально-культурная локализация — проживание в отдельной историко-культурной, географической и административной области. Возможно, именно сельский образ жизни, известная географическая локализация отдельных областей способствовали развитию локального или регионального самосознания у кыргызов, представлений о малой Родине. Это наблюдение интересно еще и с той позиции, что для кочевых народов, проживающих на равнинном географическом ландшафте, например в степной зоне, географические границы в качестве маркера этничности всегда играли меньшую роль, чем у оседлых народов. Возможно, именно специфика горного ландшафта способствовала формированию ярких пространственных символов родины у кыргызов и представлений о своеобразных этнотерриториальных связях и границах.

Жизнь в поселке, т.е. жизнь, ориентированная на традицию, для современных кыргызов неотделима от понятия «жизнь в горах», что подразумевает традиционный способ ведения хозяйства, упорядоченные и привычные родственные и соседские связи, устойчивость семейных обрядовых практик. Однако современный мир диктует свои нормы организации жизни, и многие современные кыргызы стремятся поменять суровые условия гор на кажущееся таким достижимым благополучие современного города. Не секрет, что внутренняя и внешняя миграция кыргызского населения за последние годы достигла значительных масштабов. Если рассматривать тему миграции под углом зрения, заданным нашим исследованием, то именно эти процессы становятся основной причиной изменения обычного уклада «жизни в горах», стремления к урбанистическому миру современных кыргызов.

Одна из граней этнокультурных процессов современного города — социально-этническая напряженность, во многом вызванная к жизни внутренней миграцией. Повышение процента сельского кыргызского населения в Бишкеке послужило причиной размежевания местных социумов, кристаллизации границ между «городскими кыргызами» и «сельскими мигрантами». Причина многих так называемых этнических конфликтов современной Киргизии лежит в области не столько этнических, сколько социальных процессов, связанных с глобальными социально-политическими перипетиями постсоветских десятилетий.

По данным статистики, внутренняя миграция (из сельской местности в города) в настоящее время пошла на убыль. В 90-е годы XX в., практически сразу после объявления независимости Киргизии, она была практически неконтролируемой. Внутренняя миграция заметно усиливается в моменты природных катаклизмов и социальной напряженности. Если в советское время в города переселялись кыргызы из ближайших поселков, то в последние годы основной отток кыргызского населения происходит из южных областей в северные (преимущественно в Чуйскую и Иссык-Кульскую) как регионы, максимально приближенные к столице государства. Основные причины внутренней миграции — поиск работы и улучшение благосостояния семьи.

Территориальной мобильности сельской молодежи в ситуации экономического кризиса способствовала и высокая рождаемость в регионе. Бывали ситуации, когда южане, в основном жители Ошской области, захватывали территории близ Бишкека и начинали несогласованное с властями строительство домов, что создавало и создает ситуацию социальной напряженности в столичном регионе. В данном случае, кроме социального, значительную роль играет этнический фактор: на севере страны появились и пытаются закрепиться южане, близкие по менталитету к узбекам, к «сартам» и разительно отличающиеся по своим жизненным принципам от обрусевших кыргызов Чуйской и Иссык-Кульской областей. Размежевание кыргызов по региональному признаку Север — Юг в настоящее время является основным, плотно вошедшим в сферу обыденного общения.

Внутренняя миграция оценивается жителями столицы весьма неоднозначно, большинство выражают недовольство или, по крайней мере, озабоченность этим явлением. Многие мигранты не находят работы и пополняют группу социально нестабильных элементов общества, становясь культурными и экономическими маргиналами столицы. Вот пример оценки этого явления жителем Бишкека в четвертом поколении, русским молодым человеком.

«Это же черти, просто ужас, понаехало, с гор спустились, <...> культуры никакой, город весь заплывали, ходят, ничего не делают, а настоящих горожан-кыргызов <...> мало их стало, нет почти» (ПМА).

Оценка данного явления кыргызами дается в несколько иной плоскости, с акцентом на региональность переселенцев:

«Они южане, переселились сюда, захватили земли, они другие, ленивые, жадные, как узбеки, я понимаю, у них мало территории, то землетрясение, то лавина, вот они и прут сюда, превратили столицу в большой айыл» (ПМА).

За глаза южан называют обидными и пренебрежительными прозвищами: «ошмяки», «мырки», «колхозники».

Противоположность таким «сельским переселенцам» состав-

ляют так называемые «городские кыргызы», т.е. кыргызы, свободно владеющие русским языком (на самом деле часто не знающие кыргызского языка), получившие высшее образование в Бишкеке или в России, в должной мере урбанизированные, имеющие постоянную работу, живущие в городе уже не одно поколение (часто информанты говорят о трех поколениях, «тогда уже можно считать старожилом»). Специфика городского образа жизни является основным компонентом самоидентификации «городских кыргызов». Эта специфика, по сути, оказывается идентичной образу жизни русского (в социокультурном, а не этническом смысле) населения Киргизии советской эпохи, которое заметно сократилось за последнее время.

Между тем именно сельские кыргызы считают себя более близкими к традиционной культуре по сравнению с городскими жителями. И этот момент остается для них определяющим при оценке образа жизни.

«Городские, они дикие, <...> ничего не знают, сельские знают, как откормить лошадь, барана, уважают старших, <...> знают, как жить в горах, <...> а городские <...> только компьютеры, <...> они даже не знают, как здороваться со стариками» (ПМА).

Однако городской образ жизни не исключает ориентированности кыргызов на традиционное хозяйство. Даже столичные жители продолжают держать скот: если живут в частном секторе города, то прямо там же, в приусадебном хозяйстве, в противном случае устраивают кошару за пределами города. Это проблема только крупных городов, в средних городах типа Таласа, Каракола, Нарына квартальная планировка частного сектора беспрепятственно позволяет разводить скот, вести огород, поддерживать сад.

«Мы не можем без скота, без сельского хозяйства, <...> это у нас в крови!» (ПМА).

Многие горожане на время летнего отпуска стремятся уехать хотя бы дней на десять к родственникам в сельскую местность,

на летние пастбища. Они считают, что это необходимо для здоровья.

«Надо же сил накопить на год, <...> кумыса попить, подышать свежим воздухом гор» (ПМА).

Редкий информант-кыргыз, живущий в городе, исключая Бишкек и Ош, считает себя горожанином. По всей видимости, ведение традиционного хозяйства не позволяет в полной мере почувствовать себя городским жителем. Процент кыргызов, полностью отказавшихся от скотоводства, очень невелик, большинство составляют жители Бишкека, отчасти Оша.

В системе этнических ценностных ориентиров кыргызов значительное место занимают такие качества человека, как гостеприимство, свободолюбие, честность, независимость, умение постоять за честь своей семьи, добиться правды, в том числе и через силовое решение вопроса, юридическая ответственность за родственника. Эти характеристики, по сути, составляют принятый и закрепившийся в обществе стереотип «менталитета горца».

Несмотря на то что система ценностных ориентиров этноса не может рассматриваться как «величина постоянная и неизменная», ее качественные характеристики достаточно устойчивы и неразрывно связаны с историей и традицией. Устойчивые психологические характеристики и особенности кыргызского этноса могут быть рассмотрены как одни из факторов, которые наряду с языковым и религиозным единством, идеей общего происхождения и единой исторической судьбы этого народа участвуют в процессе формирования общезтнической формы идентичности кыргызов.

Многие из информантов уверены, что жизнь в горах повлияла на формирование характера кыргызского народа. По их мнению, люди, живущие в горах, более выносливы, терпеливы, чисты в своих помыслах, бесхитростны в делах.

Развивая тему о роли горного ландшафта в культуре кыргызов, нельзя обойти вниманием и рассмотрение религиозной системы этого этноса. Напомним, что кыргызы исповедуют ислам, однако одной из особенностей их религиозной системы является симбиоз доисламских (неисламских) и исламских элементов,

сложившийся в результате взаимодействия разноуровневых и разностадиальных систем — ислама и местных домусульманских традиций. Почитание природных объектов, в том числе гор, пещер, ущелий, является широко распространенной религиозной практикой как в традиционной, так и в современной культуре кыргызов, в определенной мере эта практика остается основой местной религиозной системы [Стасевич 2013: 270–301]. Образ горы, возвышенности трактуется традиционным мировоззрением кыргызов как пограничная территория, отмеченная силой духов, в символическом пространстве конструируемого мира религиозных образов и понятий.

Обычай почитания природных объектов, несомненно, является составной частью культа святых в его широком понимании. Между тем он связан с традицией поклонения духам хранителям и хозяевам местности. Такое сочетание определило специфику этой религиозной практики, уходящей корнями в культ почитания природных явлений, объектов и стихий. Поклонение великому Небу (*Теңир*), природным стихиям Земли-Воды (*Жер Суу*) стало основой для сложных религиозных практик в культурах тюркских и монгольских народов. С распространением в центрально-азиатском регионе ислама образ Теңира слился с идеей единого Бога, с именем Аллаха.

Весьма соблазнительно интерпретировать традицию поклонения природным объектам как проявление «архаики», а большую степень ее сохранности в кыргызской культуре списать на консерватизм мировоззренческой системы и позднее проникновение ислама в эти районы Центральной Азии. Справедливо считать, что почитание гор, озер, рек, камней, деревьев имеет очень древние корни, в диахронии явное домусульманское происхождение. На сегодняшний день даже самое тщательное изучение традиции позволяет нам зафиксировать лишь элементы культов, в прошлом имевших сложные концепции. Возможно, что традиции, связанные с культом почитания природных объектов, были одной из значительных составляющих религиозной системы, основанной на представлениях о закономерности природных явлений и вере в чудодейственную силу природных объектов.

Складывается впечатление, что даже такие святые места, чья история так или иначе связана с именем определенного человека, который в народе почитается за свои праведные дела, воспринимаются паломниками в первую очередь как места *святых* природных объектов и лишь затем как места, связанные с именами праведных людей. Например, паломники, посещающие *мазар* Кочкор-ата в Кочкорском районе Нарынской области, при разговоре с нами не акцентировали внимание на месте, каким-либо образом связанном со следами пребывания здесь самого Кочкор-ата, на истории его жизни или деяниях. Но при этом они искренне уверены, что святым местом является сама гора, именно здесь Бог слышит просьбы верующих и отвечает им.

«Здесь, на горе, как в мечети, молиться можно, Бог слышит. <...> Место здесь такое, святое место» (ПМА).

Там, где паломников посещает озарение («является ангел, *касует*») (ПМА), они сооружают из камней разных форм выкладки. Такие каменные конструкции встречаются как около самой горы Кочкор-ата, так и за сотни метров от нее.

Названия многих *мазаров* содержат в качестве составляющего слово *ата*, которое в данном контексте может обозначать покровителя святого места. Но это не значит, что именно здесь находится могила легендарного персонажа, просто он выступает как дух-хранитель *мазара*.

Отдельного внимания заслуживает наиболее знаменитое святое место Киргизии гора Тахт-и Сулейман (Бара-кух), возвышающаяся на северо-западной окраине города Ош. Святыня представляет собой комплекс почитаемых объектов: пещер, гротов и камней. Следы почитания можно обнаружить на уступах, карнизах, полках скальных склонов. В настоящее время на вершине горы создан музей, каждый день поток туристов устремляется на гору, однако это не мешает паломникам совершать свой путь к почитаемым объектам. Большинство паломников приходят на гору с целью получить исцеление от недугов, популярна святыня и у бездетных женщин, которые, верят, что обретут потомство после молитвы на этой горе.

На вершине горы расположено культовое сооружение, по словам местного муллы, «молитвенный дом» или Белый домик (Окуй — узб.)¹, воздвигнутый над основной святыней — камнем со следами рук и коленей молящегося пророка Сулеймана, по другой версии со следами молящегося Пророка Мухаммада. Здесь же местный мулла принимает женщин-паломниц с детьми, появившимися на свет, по мнению верующих, после посещения ими Горы Соломона. Мулла отрезает у мальчиков *айдар* (прядь волос на макушке), посвященный святому месту, и дает благословение.

Тахт-и Сулейман, несмотря на широко развернувшуюся антирелигиозную пропаганду советского времени, до сих пор сохраняет статус региональной святыни, активно посещаемой паломниками. Еще в XIX в. русские путешественники отмечали бытующее среди мусульман Центральной Азии мнение, что «только поклонившись святому Хазрету в Туркестане, посетив Самарканд и взошедши на Сулейман-тау, правоверный может закончить свой подвиг поклонением Каабе в Мекке» [Симонов 1889: 3–4]. Паломники до сих пор верят, что настоящий мусульманин хотя бы один раз в жизни должен посетить Тахт-и Сулейман.

Казалось бы, одна традиция — поклонения и почитания святых мест. Но даже у родственных народов она имеет региональную специфику. Для сравнения обратимся вновь к казахской культуре. Казахский вариант традиции почитания святых мест основывается на специфике социальной организации общества, уже к концу XIX в. во многих религиозных практиках казахов прослеживается явная социальная семантика, в этом отношении культ святых не стал исключением. В казахской культуре культ святых, в том числе святых предков, до настоящего времени играет важную роль и стал одной из определяющих характеристик местного (регионального) варианта ислама. В кыргызской культуре более явно проступает связь практики почитания святых мест с природными стихиями и объектами природы, с верой в духов хранителей и хозяев местности. И в этом контексте образ горы осмысливается кыр-

¹ В середине 70-х годов XX в. старинное здание *худжры* было снесено. В 90-х годах XX в. здание отстроили заново, но по ошибке стали называть Домик Бабура.

гызами как место, подобное мечети, где слова молящихся будут услышаны Всевышним.

* * *

Горы стали для кыргызов природными, родовыми, административными, региональными, культурными и символическими границами. Это вполне и следовало ожидать в мире, где горизонт всегда ограничивается горными вершинами. Но именно эти границы создали разветвленную систему всевозможных коммуникаций, еще раз подтверждающую тезис о том, что природный ландшафт находится в плотном взаимодействии с ландшафтом культурным. Исторически сложившееся этнокультурное и региональное размежевание кыргызского этноса в некоторой степени обусловлено географическим фактором. Однако специфика проживания в горном ландшафте, как мы видим, не повлияла на общеэтническую идентификацию кыргызов. Несмотря на локальные варианты культуры, кыргызы ощущают себя единым народом. И одним из проявлений этого единства стала общенациональная идея о возрождении кыргызского народа, его национальной культуры и традиций.

В этом контексте особую трактовку в сознании современных кыргызов приобретает этноним «кыргыз». Ни один из информантов не рассказал нам широко бытующую в прошлом историю образования этого этнонима от двух слов «кырк» (сорок) и «кыз» (девушка), историю о происхождении кыргызов от сорока девушек и «красной собаки» [Валиханов 1961: 343]. Современная народная этимология связывает происхождения этнонима с «сорока войнами Манаса», с «воинами, которые пали в битве, а потом поднялись с земли и ожили, вновь вступили в бой» (ПМА), поэтому, по мнению большинства информантов, этноним кыргыз «означает бессмертный воин, Богом избранный народ» (ПМА).

Такая трактовка вполне соответствует национальной идее о возрождении «великой истории кыргызов». И, конечно, в этом процессе формирования «кыргызского единства» не мог быть не использован образ горы. Вот что говорят по этому поводу информанты:

«Мы живем как бы в Центре Азии, на вершине мира, <...> среди гор, какой еще народ в Азии живет так. <...> Мы на горах, <...> а значит ближе к Богу» (ПМА).

Образ гор широко употребляется в современной кыргызской публицистике как символ и маркер национальной истории и культуры, как своего рода историческая «метафора»: «Особенность моей земли — поднебесные горы.<...> Только с высоты кыргызских гор можно увидеть, сколько в мире лесов, перевалов, людских поражений и побед, печалей и счастья, радости и любви.<...> С обретением независимости для нас (кыргызов. — И.С.) с этих горных вершин словно открылись новые просторы. И с высоты этих гор уже отчетливо видно наше будущее — свободный, благополучный, мирный и процветающий Кыргызстан.<...> Именно горные тропы ведут нас на главную дорогу магистрально развития. Я думаю, что мы уже в начале этого пути подлинной демократии и рыночных отношений» [Иманалиев 2012: 20]. В данном тексте образы гор, горных троп, первозданной природы ассоциируется с политической свободой и независимостью, т.е. с теми качествами жизни, которые так ценятся горцами.

Материальна культура, религиозная система, традиционные ценностные ориентиры этноса, представления о культурных и географических границах — во всех сферах традиционной и современной культуры кыргызов мы может увидеть образ гор, что еще раз подчеркивает несомненную важность этого образа для всей системы культурных символов кыргызов. Он практически не подвержен трансформации во времени и оценивается носителями культуры как положительный, характеризующий специфику национальной культуры и этнического мировоззрения.

Дорога на Тахт-и Сулейман, г. Ош. Фото И.В. Стасевич

Поселок Дароот-Коргон. Алайская долина. Фото И.В. Стасевич

Токтогульское водохранилище. Фото И.В. Стасевич

Дозорная гора, на вершине которой установлен флаг голубого цвета со знаком Манаса – золотым барсом. Одна из главных святынь Киргизии — комплекс Манас Ордо, где расположен кумбез великого батыра. Таласская область. Фото И.В. Стасевич

В дороге. Перевал Тенгизбай. Фото И.В. Стасевич

Граница между Киргизией и Таджикистаном. Алайская долина.
Фото И.В. Стасевич

Библиография

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1961. Т. I.

Иманалиев К. «Кыргызы. Слово о Родине». Бишкек, 2012.

Симонов А.В. В предгорьях Алая // Сборник сведений о Средней Азии и Русском Туркестане. Статьи неофициальной части Туркестанских ведомостей. 1887 г. Ташкент, 1889. № 1–51. С. 3–4.

Ситнянский Г. Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии: история и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2007. № 198.

Стасевич И. В. Практика поклонения сакральным объектам и предметам в традиционной и современной культуре казахов и киргизов (в контексте изучения культа святых) // Центральная Азия: традиции в условиях перемен. СПб., 2013. Вып. III.

Список сокращений

ПМА — полевые материалы автора, этнографические экспедиции в Кыргызстан (Иссык-Кульская, Чуйская, Нарынская, Таласская, Ошская области, 2012–2014 гг.).